

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра современного русского языка и методики

Мелихова Анастасия Максимовна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы: Филологическое образование

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой, канд. филол. наук,
доцент Осетрова Е.В.

«__» ____ 2026 г. _____
(подпись)

Руководитель: Замыслова В.Н.,
доцент, канд. филол. наук.

«__» ____ 2026 г. _____
(подпись)

Дата защиты «__» ____ 2026 г.

Обучающийся: Мелихова А.М.

«__» ____ 2026 г. _____
(подпись)

Оценка _____

Содержание

Введение	3
Глава 1. Теоретический аспект изучения категории эмотивности	5
1.1. Эмоции как базовое понятия лингвистической категории эмотивности...	5
1.2. Отражение категории эмотивности в языке	11
1.3. Проявление эмотивной лексики в художественном тексте и ее функции	17
Выводы по Главе 1	23
Глава 2. Анализ использования эмотивной лексики в рассказах А.П. Чехова	25
2.1. Эмотивная лексика как объект лингвистики в творчестве А.П. Чехова....	25
2.2. Эмотивная лексика в рассказах «Смерть чиновника», «Госка», «Хамелеон».....	32
2.3. Эмотивная лексика в рассказах для внеклассного чтения «Хирургия», «Пересолил», «Налим».....	39
2.4. Конспект урока по изучению эмотивной лексики в рассказах А. П. Чехова.....	45
Выводы по Главе 2	50
Заключение	52
Список использованной литературы	56
Приложение	60

Введение

Эмоции человека являются одними из важнейших элементов психики, которые наряду с интеллектом образуют структуру личности. Эмоции охватывают всю речевую деятельность человека и сохраняются в семантике слова в качестве идентификатора различных эмоциональных состояний человека. Эмоциональная сфера, являющаяся значимым социокультурным и психологическим феноменом, обретает свое выражение в художественных произведениях. Художественный текст как важнейший носитель эмотивной лексики имеет в своём содержании различные языковые средства, которые находятся во взаимном отношении с миром чувств и эмоций человека.

Разнообразные речевых жанров, такие как поэзия, проза, реклама, политические выступления, предлагают возможность для реализации и использования эмоционально окрашенной лексики. Эмоции способны изменить смысл высказывания и оказать воздействие на реакцию аудитории или читателей. Исследование художественных произведений представляет исключительный интерес, так как текст репрезентирует мысли, чувства и эмоции нарратора, выраженные в нем. Эмотивные номинанты позволяют реализовать возможность анализа семантических пластов эмотивности текста и дальнейшей интерпретации авторской интенции.

Следует отметить, что эмотивная лексика, являясь неотъемлемой частью человеческой жизни, на сегодняшний день недостаточно изучена, что подтверждают исследования В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко, В.Н. Телия и др. Этим объясняется проявление интереса учёных к соответствующей лексике и определяет **актуальность** и содержание данной работы. **Теоретической базой** исследования вопроса эмотивности послужили исследования А. Вежбицкой, Ю.А. Сорокина, Г.Н. Ленько, С.В. Ионовой и др.

Цель работы – определить функционально-семантическое своеобразие эмотивной лексики в рассказах А. П. Чехова.

Цель реализуется решением следующих **задач**:

- 1) определить особенности эмотивной лексики на основе изучения научной литературы;
- 2) классифицировать эмотивную лексику в тексте художественного произведения и определить ее состав;
- 3) выполнить анализ эмотивной лексики, установленной в процессе работы с рассказами А.П. Чехова;
- 4) создать методическую разработку для использования материалов исследования в школе.

Объектом исследования является эмотивность как языковая категория в рассказах А.П. Чехова.

Предмет – эмотивная лексика, представленная в рассказах А.П. Чехова.

В нашем исследовании использовались следующие **методы**: метод непосредственных наблюдений при сборе материала (наблюдения за лексическими элементами, функционирующими в текстах рассказов А.П. Чехова); метод дифференциального отбора (классификация слов на основе наличия эмотивности); метод лексико-семантического анализа слова (анализ лексического значения слова); описательный метод, включающий в себя классификацию и обобщение собранного материала; метод компонентного анализа, который включает в себя приемы семного анализа.

Материалами исследования послужили рассказы А. П. Чехова «Смерть чиновника», «Тоска», «Хамелеон», «Хирургия», «Налим», «Пересолил».

Практическое применение результатов данного исследования в сфере образования реализуется в возможности использования представленных материалов в школьной практике – на уроках русского языка и литературы при изучении эмотивной лексики и при анализе художественного текста.

Кроме того, данная работа представляет собой ценный материал для студентов в рамках дисциплины «Филологический анализ текста».

Структура работы состоит из Введения, двух глав – теоретической и практической, Заключения, Списка использованных источников.

Глава 1. Теоретический аспект изучения категории эмотивности

1.1. Эмоции как базовое понятия лингвистической категории ЭМОТИВНОСТИ

Изучение эмоций в контексте языкознания представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся областей современной лингвистической науки. Эмоции как психическое явление сопровождают человека на протяжении всей его жизни, определяя характер его взаимодействия с окружающим миром, способы коммуникации и особенности речевого поведения. Именно поэтому вопрос о природе эмоций, их классификации и механизмах языкового воплощения занимает центральное место в лингвистических исследованиях последних десятилетий. Категория эмотивности формируется на пересечении психологии, философии и собственно лингвистики, что определяет её междисциплинарный характер и сложность однозначного определения.

В отечественной и зарубежной науке сложились различные подходы к пониманию природы эмоций. С психологической точки зрения эмоции рассматриваются как особые субъективные переживания, отражающие отношение человека к предметам и явлениям действительности. Однако для лингвистики принципиально важным оказывается не столько сама эмоция как психофизиологический феномен, сколько механизм её отражения и воплощения в языке. Лингвистика эмоций как самостоятельное направление оформилась во второй половине XX века и к настоящему времени располагает разветвлённым категориальным аппаратом и богатой исследовательской традицией [Ионова, 2019, с. 124–131].

Разнообразие научных подходов к природе эмоций свидетельствует о сложности данного феномена и невозможности его однозначного определения в рамках одной дисциплины. Лингвистика, опираясь на психологические концепции, вместе с тем вырабатывает собственный понятийный аппарат, позволяющий описывать эмоции как явление языковое. Именно это

разграничение обеспечивает методологическую строгость лингвистического исследования эмотивности.

Базовым для понимания категории эмотивности является разграничение понятий «эмоция» и «эмотивность». Эмоция — это психологическая реальность, субъективное переживание, которое возникает в сознании человека как реакция на те или иные явления внешней или внутренней жизни. Эмотивность же — это лингвистическая категория, отражающая способность языковых единиц выражать, передавать или вызывать эмоциональные состояния. Таким образом, эмоция принадлежит сфере психического, а эмотивность — сфере языкового, хотя обе они неразрывно связаны между собой [Владиминова, 2019, с. 156–159]. Это разграничение принципиально важно для построения научно состоятельной теории эмотивности, поскольку позволяет чётко очертить предмет лингвистического исследования и отделить его от смежных психологических и философских вопросов.

Систематизация лингвистических концептов эмоциональных состояний позволяет выделить несколько уровней, на которых эмоции находят своё языковое воплощение. На лексическом уровне это слова, непосредственно номинирующие эмоции (радость, страх, гнев, тоска), а также слова, коннотативно связанные с той или иной эмоциональной сферой. На синтаксическом уровне — конструкции, передающие эмоциональное состояние говорящего через порядок слов, интонацию, восклицательные и вопросительные предложения. На текстовом уровне — развёрнутые описания эмоциональных состояний героев, авторские комментарии, система образов и символов, несущих эмоциональную нагрузку [Барсукова, 2018, с. 3–18].

Существенным вкладом в разработку теоретических основ категории эмотивности является обращение к понятию эмоциональной концептосферы языка. Концепт эмоции представляет собой сложное ментальное образование, включающее как прототипические представления носителей языка об определённой эмоции, так и систему ассоциаций, образов и оценочных характеристик, закреплённых за соответствующими лексическими

единицами. Ассоциативный потенциал лексем — обозначений эмоций — оказывается чрезвычайно богатым и культурно обусловленным: одно и то же эмоциональное слово может породить совершенно различные ассоциативные цепочки у носителей разных языков и культур [Гуц, 2023, с. 53–64].

Лингвопсихологический подход к изучению эмоций предполагает рассмотрение взаимосвязи между эмоциональными переживаниями и языковыми структурами, используемыми для их выражения. В рамках этого подхода исследуется, каким образом эмоциональный опыт человека кодируется в языке, как формируются устойчивые модели вербализации эмоций и в какой мере языковая картина мира определяет способность человека воспринимать и переживать те или иные эмоциональные состояния. Современное языкознание рассматривает лингвопсихологию эмоций как перспективную область, способную дать ответы на многие фундаментальные вопросы о природе человеческого познания и коммуникации [Ионова, 2022, с. 26–39].

Важным аспектом изучения эмоций в лингвистическом контексте является вопрос об их классификации. В психологии традиционно выделяются базовые эмоции — радость, страх, гнев, отвращение, удивление, печаль, — которые считаются универсальными для всех культур и не зависят от социального опыта индивида. В лингвистике классификация эмоций строится несколько иначе: здесь принимается во внимание не только психологическая природа переживания, но и его языковое воплощение, степень интенсивности, характер оценочности и коннотативные особенности соответствующих лексических единиц. Понятие эмотивности в современной лингвистике трактуется как многоаспектное явление, включающее и эмоциональную окраску языковых единиц, и их способность воздействовать на эмоциональную сферу адресата [Петрова, 2020, с. 69–74].

Классификация эмоций в лингвистике не является раз и навсегда установленной: она уточняется и пересматривается по мере накопления

эмпирического материала. Одни исследователи предпочитают минималистские классификации, ограничиваясь несколькими базовыми эмоциями, другие строят разветвлённые таксономии, учитывающие интенсивность, направленность и социальную обусловленность переживаний. Такое разнообразие подходов отражает объективную сложность самого предмета изучения.

Принципиально важным для понимания категории эмотивности является её соотношение с категориями экспрессивности и оценочности. Эти три категории нередко рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные, однако между ними существуют принципиальные различия. Экспрессивность — это свойство языковых единиц усиливать выразительность высказывания, привлекать к нему внимание; оценочность — свойство выражать положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету речи; эмотивность — свойство передавать эмоциональное состояние говорящего или вызывать эмоциональный отклик у адресата. При этом все три категории могут совмещаться в одной языковой единице, образуя сложное коннотативное значение [Климченко, 2023, с. 161–165].

Понятие «эмотивность» в современной лингвистике не является однозначно определённым: разные исследователи вкладывают в него различное содержание в зависимости от избранного методологического подхода. Одни учёные понимают под эмотивностью способность языкового знака выражать эмоции говорящего, другие — его способность воздействовать на эмоции адресата, третьи — оба этих аспекта в их единстве. Существуют также подходы, акцентирующие внимание на отражательной функции эмотивности: в этом случае она рассматривается как свойство языка отображать эмоциональную жизнь человека в её многообразии и сложности [Кожевникова, 2024, с. 626–632].

Таблица 1. Соотношение базовых понятий в теории эмотивности

Понятие	Сфера	Основная характеристика	Связь с эмотивностью
---------	-------	-------------------------	----------------------

Эмоция	Психологическая	Субъективное переживание	Источник и референт эмотивности
Эмотивность	Лингвистическая	Языковое свойство единицы	Центральная категория
Экспрессивность	Лингвистическая	Усиление выразительности	Пересекается с эмотивностью
Оценочность	Лингвистическая	Выражение отношения	Сопутствует эмотивности
Эмоциональный концепт	Когнитивная	Ментальное образование	Основа эмотивной семантики

Взаимодействие категорий эмотивности и интенсивности представляет собой отдельную теоретическую проблему. Интенсивность эмоционального выражения определяется степенью напряжённости переживания и может варьироваться от слабого эмоционального окрашивания до предельно интенсивного аффективного высказывания. Язык располагает разнообразными средствами для передачи этой градации: лексическими (использование слов с различной степенью эмоциональной насыщенности), словообразовательными (суффиксы субъективной оценки), синтаксическими (восклицательные предложения, повторы, инверсия) и фонетическими (логическое ударение, темп речи, паузы) [Сюткина, Шустова, Зубарева, 2025, с. 237–240].

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении эмоций и рационального начала в языковой картине мира. Долгое время в европейской науке господствовал взгляд, согласно которому разум и чувство противостоят друг другу как антиподы, причём разуму отдавалось явное предпочтение. Современная лингвистика преодолевает этот дуализм, рассматривая эмоциональное и рациональное как неразрывно связанные аспекты человеческого познания и коммуникации. Эмоции не только окрашивают речь, но и активно участвуют в формировании смысла высказывания, определяя его прагматическую направленность и коммуникативный эффект. Лингвистика эмоций как наука будущего призвана описать эти сложные механизмы взаимодействия эмоционального и рационального в языке [Ионова, 2019, с. 124–131].

Отстранение как художественный приём тесно взаимодействует с механизмами читательского восприятия: разрушая автоматизм восприятия привычных явлений, оно принуждает читателя заново «прочувствовать» то, что обычно воспринимается без эмоционального участия. В результате эмотивная лексика, включённая в отстраняющий контекст, обретает особую силу воздействия, значительно превышающую ту, которой она обладала бы в нейтральном окружении. Именно это свойство делает отстранение незаменимым инструментом эмоциональной выразительности в литературе.

Изучение эмоционально-окрашенной лексики требует чёткого понимания того, что относится к данному классу языковых единиц. Эмоционально-окрашенная лексика — это слова, в значении которых содержится эмоциональный компонент, то есть указание на определённое эмоциональное отношение говорящего к называемому явлению или на эмоциональную характеристику самого явления. При этом необходимо разграничивать слова, обозначающие эмоции (радость, тревога, восхищение), и слова, выражающие эмоции, то есть такие, которые сами по себе являются проявлением эмоционального состояния, говорящего (восклицания, экспрессивные оценки, ругательства и т. п.). Кроме того, можно выделить слова, вызывающие эмоции у адресата благодаря своей образности или коннотативному потенциалу [Волкова, 2021, с. 125–127].

Необходимо учитывать, что граница между словами, обозначающими эмоции, и словами, выражающими эмоции, нередко оказывается размытой в реальном речевом употреблении. Одна и та же лексическая единица способна выполнять обе функции одновременно, что существенно осложняет её классификацию. Именно поэтому анализ эмотивной лексики всегда требует обращения к конкретному контексту и учёта прагматических условий высказывания.

Таким образом, эмоции как базовое понятие лингвистической категории эмотивности представляют собой сложный психолингвистический феномен, изучение которого требует привлечения данных как психологии и

когнитивной науки, так и собственно лингвистических методов и подходов. Современная наука рассматривает эмоции не как нечто внешнее по отношению к языку, а как неотъемлемую составляющую языковой системы, пронизывающую все уровни её организации — от фонемы до текста. Именно поэтому категория эмотивности занимает центральное место в современных лингвистических исследованиях, открывая новые перспективы для изучения языка как средства отражения и воплощения богатейшего эмоционального мира человека.

1.2. Отражение категории эмотивности в языке

Проблема отражения категории эмотивности в языке является одной из центральных в современной лингвистике и рассматривается исследователями в нескольких взаимосвязанных аспектах: семантическом, прагматическом, когнитивном и функциональном. Язык, являясь универсальным инструментом человеческой коммуникации, предоставляет говорящему огромный арсенал средств для выражения эмоционального отношения к действительности, передачи своего внутреннего состояния и воздействия на эмоциональную сферу собеседника. Именно в этом многообразии языковых средств и проявляется категория эмотивности в своём полном объёме.

Прежде всего следует подчеркнуть, что эмотивность как языковая категория пронизывает все уровни языковой системы: лексический, словообразовательный, морфологический, синтаксический и текстовый. На каждом из этих уровней существуют специфические средства выражения эмоционального содержания, которые могут взаимодействовать друг с другом, создавая сложный и многомерный эффект эмоционального воздействия. Понимание эмотивности как языковой категории предполагает описание всей этой системы средств в их единстве и взаимосвязи [Каранчук, 2025, с. 83–88].

Ключевым уровнем реализации эмотивности является лексический уровень, поскольку именно слово выступает основной единицей языка, способной непосредственно номинировать эмоциональные состояния или выражать эмоциональное отношение говорящего. Эмотивная лексика представляет собой обширный пласт словарного состава языка, включающий единицы с различной степенью эмоциональной насыщенности и различными механизмами реализации эмотивного значения. Одни слова обладают эмотивностью как постоянным свойством своей семантики (так называемые эмотивы), другие приобретают эмоциональную окраску в контексте в зависимости от интенций говорящего и условий коммуникации [Владимирова, 2019, с. 156–159].

Лексический уровень остаётся приоритетным объектом изучения в рамках лингвистики эмоций во многом потому, что именно слово является минимальной значимой единицей, способной сосредоточить в своей семантике богатое эмотивное содержание. Словарный состав языка в этом отношении представляет собой своего рода «эмоциональный атлас» культуры, фиксирующий всё многообразие переживаний, которые данное языковое сообщество считает значимыми и достойными номинации. Изучение этого пласта лексики открывает широкие возможности для межкультурных сопоставлений.

Среди лексических средств выражения эмотивности особую роль играет эмоционально-оценочная лексика, в которой эмоциональный компонент неразрывно связан с оценочным. Такие слова не только передают эмоциональное состояние говорящего, но и одновременно выражают его отношение к называемому явлению — положительное или отрицательное. Коннотативно маркированная лексика составляет значительную часть словарного состава языка и активно используется как в разговорной речи, так и в художественных, публицистических и других текстах [Передистая, Алимуратов, Горбунова, 2023, с. 151–163].

Особого внимания заслуживает вопрос о структуре эмотивного значения слова. В лингвистике принято выделять денотативный и коннотативный компоненты значения языковой единицы. Коннотативный компонент включает эмоциональную окраску, оценочность, экспрессивность и стилистическую маркированность. Именно в рамках коннотативного значения реализуется эмотивный потенциал языковой единицы. При этом важно учитывать, что экспрессивность и эмотивность, будучи тесно связанными, не являются тождественными понятиями: экспрессивность представляет собой более широкую категорию, включающую эмотивность в качестве одного из своих компонентов [Климченко, 2023, с. 161–165].

Таблица 2. Средства выражения эмотивности на различных уровнях языка

Уровень языка	Средства выражения	Примеры	Характер воздействия
Лексический	Эмотивы, оценочная лексика	Радость, тоска, прелестный	Прямое название эмоции
Словообразовательный	Суффиксы субъективной оценки	Домик, злющий	Модификация оценки
Морфологический	Формы числа, степени сравнения	Счастливейший	Усиление эмоции
Синтаксический	Восклицания, инверсия, повторы	Какой ужас!	Интенсификация

Категория эмотивности в современном языкознании рассматривается как самостоятельная лингвистическая категория, обладающая собственным содержанием, системой средств выражения и функциональными характеристиками. Её самостоятельный статус обосновывается прежде всего тем, что эмотивность обнаруживает себя на всех уровнях языковой системы и в различных типах дискурса, а также тем, что она выполняет специфические функции в коммуникации, которые не могут быть сведены к функциям смежных категорий — оценочности или экспрессивности [Владимирова, 2019, с. 156–159]. Становление лингвистики эмоций как самостоятельной научной дисциплины свидетельствует о признании значимости этой категории для

понимания языка как системы и как средства коммуникации [Ионова, 2019, с. 124–131].

Важнейшим теоретическим вопросом является вопрос о соотношении эмотивности и эмоциональности в языке. Эмоциональность нередко понимается как более широкое явление, охватывающее всю сферу проявления эмоций в речевой деятельности, тогда как эмотивность — это специфическое свойство языковых единиц, связанное с их способностью выражать или передавать эмоции. Категория эмотивности в современном языкознании рассматривается как системообразующая для целого ряда смежных явлений: эмоциональной экспрессии, эмоциональной оценки, аффективности и т. д. [Лысикова, 2024, с. 232–236].

Отражение категории эмотивности в языке осуществляется через сложную систему языковых и речевых средств, которые можно условно разделить на несколько групп в зависимости от механизма их действия. Первую группу составляют прямые номинации эмоций — слова и словосочетания, непосредственно называющие то или иное эмоциональное состояние (радость, грусть, восхищение, негодование и т. п.). Вторую группу образуют косвенные способы выражения эмоций, при которых эмоциональное содержание передаётся через описание физиологических реакций (дрожь, слёзы, румянец), поведенческих проявлений (избегание контакта, агрессивные действия) или образных характеристик (сердце сжалось, на душе кошки скребут). Третью группу составляют контекстуально обусловленные способы выражения эмоций, когда нейтральные в иных условиях языковые единицы приобретают эмоциональную окраску благодаря особенностям контекста [Барсукова, 2018, с. 3–18].

Отражение эмотивности в тексте — это сложный многоуровневый процесс, в котором взаимодействуют лексические, синтаксические и композиционные средства. На текстовом уровне эмотивность реализуется не только через отдельные эмоционально-окрашенные единицы, но и через общую тональность произведения, систему образов и мотивов, структуру

повествования и характер взаимоотношений между героями. Текст как целостное коммуникативное единство обладает собственным эмотивным потенциалом, который не сводится к простой сумме эмотивных потенциалов составляющих его единиц [Моисеева, 2021, с. 49–51].

Таблица 3. Типы номинации эмоций в языке

Тип номинации	Описание	Пример	Функция
Прямая	Непосредственное название эмоции	«Он испытывал <i>страх</i> »	Информативная
Косвенная через физиологию	Описание телесных реакций	«Руки его <i>задрожали</i> »	Изобразительная
Косвенная через поведение	Описание действий персонажа	«Он <i>бросил</i> книгу и <i>вышел</i> »	Драматизирующая
Образная	Метафорическое выражение	«Сердце сжалось от тоски»	Экспрессивная
Контекстуальная	Нейтральное слово в эмотивном контексте	—	Имплицитная

Особую роль в реализации категории эмотивности играет категория оценочности, которая теснейшим образом связана с эмоциональным отношением говорящего к объекту речи. Оценка всегда предполагает эмоциональную составляющую: положительная оценка сопровождается позитивными эмоциями (восхищение, радость, одобрение), отрицательная — негативными (осуждение, презрение, негодование). В языке эта связь закреплена в семантике оценочных слов, большинство из которых несут одновременно оценочный и эмоциональный компоненты значения. Способы репрезентации эмотивности и оценочности в различных типах текста демонстрируют широкое разнообразие используемых языковых средств и их функциональную специфику [Подкопаева, Лапшина, 2025, с. 1–14].

Синтаксический уровень реализации эмотивности представлен прежде всего специфическими синтаксическими конструкциями, ориентированными на передачу эмоционального состояния говорящего. К ним относятся восклицательные предложения, риторические вопросы, эллиптические конструкции, повторы, анафора и эпифора, инверсия и ряд других явлений синтаксической экспрессии. Каждая из этих конструкций обладает своим специфическим эмотивным потенциалом и используется для передачи

определённых типов эмоциональных состояний. Так, восклицательные предложения, как правило, выражают сильные эмоции (радость, гнев, восхищение, ужас), тогда как эллипсис нередко используется для передачи растерянности, смятения или подавленности [Ионова, 2022, с. 26–39].

Синтаксические средства эмотивности особенно показательны в диалогических текстах, где эмоциональное напряжение реализуется непосредственно в процессе коммуникации между персонажами. Структура диалогической реплики — её длина, наличие или отсутствие завершённости, характер синтаксических связей — напрямую отражает эмоциональное состояние говорящего. Это делает диалог одним из наиболее чутких индикаторов эмотивности в художественном тексте.

Вербальные средства выражения эмотивности образуют сложную иерархическую систему, в рамках которой каждый уровень языка вносит свой специфический вклад в формирование общего эмотивного эффекта высказывания или текста. Ключевую роль в этой системе играет лексический уровень как наиболее непосредственно связанный с семантикой эмоциональных состояний. Именно в лексической системе языка наиболее полно отражается богатство и многообразие эмоциональной жизни человека, весь спектр его переживаний — от едва уловимых оттенков настроения до предельно интенсивных аффективных состояний [Каранчук, 2025, с. 83–88].

Взаимодействие категорий эмотивности и интенсивности находит своё выражение в том, что один и тот же тип эмоции может быть передан с различной степенью интенсивности с помощью специальных языковых средств: слов-интенсификаторов (очень, крайне, чрезвычайно), усилительных частиц, суффиксов субъективной оценки, повторов и т. д. Интенсивность эмотивности определяет прагматическую силу высказывания — степень его воздействия на адресата. Чем выше интенсивность эмотивности, тем более мощным является коммуникативный эффект высказывания, тем сильнее оно захватывает внимание и эмоциональную сферу читателя или слушателя [Сюткина, Шустова, Зубарева, 2025, с. 237–240].

Коннотативно маркированная лексика занимает особое место в системе средств выражения эмотивности: именно она является основным носителем эмотивного потенциала в языке, поскольку её значение включает устойчивый эмоционально-оценочный компонент, не зависящий от контекста. Эта лексика формирует ядро эмотивной системы языка, тогда как периферию составляют единицы, приобретающие эмотивную окраску лишь в определённых контекстуальных условиях [Петрова, 2020, с. 69–74].

Периферийные эмотивные единицы, приобретающие эмоциональную окраску исключительно в контексте, представляют особый интерес для исследователя именно в силу своей контекстуальной зависимости. Их семантическая трансформация под влиянием окружающего текста демонстрирует гибкость и динамизм языковой системы. Изучение таких единиц позволяет глубже понять механизмы порождения эмотивных смыслов на уровне целого текста, а не отдельного слова.

Таким образом, отражение категории эмотивности в языке осуществляется на всех уровнях языковой системы с помощью разнообразных средств — лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических и текстовых. Комплексное взаимодействие этих средств создаёт богатую систему эмотивного потенциала языка, позволяющую говорящему с высокой точностью передавать тончайшие нюансы своего эмоционального состояния и оказывать целенаправленное воздействие на эмоциональную сферу адресата.

1.3. Проявление эмотивной лексики в художественном тексте и ее функции

Художественный текст является особой сферой функционирования эмотивной лексики, поскольку именно в нём эмоциональная составляющая языка получает наибольшую художественную нагруженность и многозначность. В отличие от разговорной речи или публицистики, где

эмотивные средства служат прежде всего непосредственной передаче актуального эмоционального состояния говорящего, в художественном тексте они включаются в сложную систему образных, тематических и композиционных отношений, приобретая новые смысловые измерения и функции. Эмотивная лексика в художественном тексте не просто отражает эмоции — она создаёт особую эмоциональную атмосферу произведения, характеризует персонажей, выражает авторскую позицию и управляет эмоциональным восприятием читателя [Жангуразова, 2024, с. 442–454].

Теоретическое осмысление роли эмотивной лексики в художественном тексте предполагает прежде всего ответ на вопрос о том, каким образом эмоциональное содержание воплощается в структуре художественного произведения и какие функции оно выполняет по отношению к читателю. Художественный текст — это особая форма коммуникации, в которой автор через систему образов, персонажей и событий вступает в диалог с читателем, апеллируя не только к его разуму, но прежде всего к его эмоциональной сфере. Именно через эмоциональное воздействие художественное произведение достигает своего главного эффекта — сопереживания, катарсиса, духовного и нравственного обогащения читателя [Ивницкий, 2023, с. 31–38].

Художественная коммуникация принципиально отличается от обыденной тем, что в ней эмоция становится не просто сопутствующим элементом передачи информации, но самостоятельной эстетической ценностью. Автор целенаправленно конструирует эмоциональное переживание читателя, отбирая и организуя языковые средства в соответствии с художественным замыслом. Этот преднамеренный характер эмотивного воздействия отличает художественный текст от любых других типов дискурса.

Категория эмотивности в тексте как лингвистический феномен имеет свою специфику по сравнению с эмотивностью на уровне отдельного слова или высказывания. На текстовом уровне эмотивность реализуется как системное свойство, пронизывающее всю структуру произведения и определяющее его тональность, образный строй и воздействие на читателя.

При этом эмотивные эффекты создаются не только прямыми номинациями эмоций, но и косвенными способами — через описание обстановки, пейзажа, жестов и мимики персонажей, через ритм и интонацию авторской речи [Жангуразова, 2024, с. 442–454].

Роль эмотивной лексики в создании художественной картины мира трудно переоценить. Именно через эмотивную лексику автор моделирует особый мир произведения, наделённый определённой эмоциональной атмосферой, и выстраивает систему эмоциональных отношений между персонажами. Эмотивная лексика выполняет портретирующую функцию: через характер эмоциональных реакций персонажа, через лексику, которую он использует для выражения своих чувств, читатель получает информацию о его психологическом типе, ценностях и мировосприятии [Магомедова, 2020, с. 171–175].

Функции эмотивной лексики в художественном тексте многообразны и тесно взаимосвязаны. Можно выделить следующие основные функции, реализуемые эмотивной лексикой в художественном произведении. Во-первых, это экспрессивно-изобразительная функция, состоящая в создании яркого, эмоционально насыщенного образа персонажа или ситуации. Во-вторых, характерологическая функция, позволяющая раскрыть психологический облик персонажа через особенности его эмоциональных реакций и речевого поведения. В-третьих, оценочная функция, посредством которой автор выражает своё отношение к изображаемым событиям и персонажам. В-четвёртых, воздействующая (суггестивная) функция, направленная на управление эмоциональным состоянием читателя [Максудова, 2022, с. 275–277].

Таблица 4. Функции эмотивной лексики в художественном тексте

Функция	Содержание	Механизм реализации	Эффект
Экспрессивно-изобразительная	Создание эмоционального образа	Насыщение описания эмотивами	Яркость, образность

Характерологическая	Раскрытие психологии персонажа	Индивидуализация речи героя	Психологическая достоверность
Оценочная	Выражение позиции автора	Авторские комментарии	Идейная нагруженность
Воздействующая	Управление восприятием читателя	Суггестивные приёмы	Эмоциональный отклик
Сюжетообразующая	Организация эмоционального развития	Нарастание/спад эмотивности	Драматизм
Когезивная	Обеспечение связности текста	Эмотивные лейтмотивы	Целостность произведения

Коммуникативно-прагматический потенциал эмотивности в художественном тексте определяется способностью произведения вызывать у читателя определённые эмоциональные состояния, стимулировать его к сопереживанию героям и размышлению над поставленными автором проблемами. Художественный текст в этом отношении представляет собой уникальный коммуникативный акт, в котором отправитель (автор) и получатель (читатель) разделены временем и пространством, но объединены через посредство текста особыми эмоционально-смысловыми связями [Трубкина, 2020, с. 312–314].

Особую роль в системе эмотивных средств художественного текста играет приём остранения — создание такого способа изображения предмета или явления, при котором привычное предстаёт необычным, а хорошо знакомое воспринимается как впервые увиденное. Остранение тесно связано с эмотивностью: именно оно во многом обеспечивает способность художественного текста вызывать острые эмоциональные переживания у читателя, не допуская притупления чувств от привычности образов [Чернейко, 2022, с. 128–139].

Специфика функционирования эмотивной лексики в художественном произведении определяется также жанровой принадлежностью текста. В лирике эмотивная лексика занимает абсолютно доминирующее положение, поскольку главной задачей лирического произведения является передача эмоционального переживания. В прозаическом тексте эмотивная лексика

распределена неравномерно: она концентрируется в узловых точках сюжета, в сценах наивысшего эмоционального напряжения, тогда как описательные пассажи могут быть относительно нейтральными в эмоциональном отношении. В драматургии особую роль играет эмотивность диалога: именно через реплики персонажей, их интонационный рисунок и эмоционально-окрашенную лексику разворачивается эмоциональный конфликт произведения [Ивницкий, 2023, с. 31–38].

В контексте анализа творчества А.П. Чехова проявление эмотивной лексики приобретает особое значение. Чехов создал принципиально новый тип психологической прозы, в которой эмоции персонажей как правило не называются прямо, а передаются косвенно — через детали быта, жест, интонацию, паузу. Эта лаконичность и сдержанность в выражении эмоций, характерная для чеховской поэтики, отнюдь не означает отсутствия эмотивности: напротив, именно в художественном мире Чехова эмотивность достигает особой глубины и многозначности, поскольку невысказанное чувство нередко оказывается более выразительным, чем открыто декларируемое. Место эмотивной лексики в индивидуально-художественной картине мира Чехова определяется его стремлением к предельной психологической достоверности и тонкости в изображении человеческих переживаний [Котельникова, 2019, с. 16–20].

В произведениях Чехова эмотивная лексика нередко включается в структуру мотива, повторяясь в различных текстах и создавая устойчивые эмоциональные лейтмотивы его творчества. Мотив веселья и функции смеха занимают особое место в художественном мире Чехова: смех у него многозначен — он может быть средством психологической защиты, формой социальной критики или маской, скрывающей подлинное страдание [Мокина, 2020, с. 297–318].

Таблица 5. Способы выражения эмотивности в художественном тексте

Способ	Описание	Пример из прозы
--------	----------	-----------------

Прямое название	Номинация словом	эмоции	«Он почувствовал <i>страх</i> »
Физиологическое описание	Телесные эмоции	проявления	«Руки <i>задрожали</i> , лицо <i>побледнело</i> »
Поведенческое	Действия как эмоции	выражение	«Он <i>резко</i> встал и вышел»
Метафорическое	Образное эмоции	выражение	«Тоска навалилась тяжёлым камнем»
Средовое (пейзажное)	Эмоция через среды	описание	Мрачный пейзаж как отражение состояния

Эмоциональное состояние героев и средства его языкового выражения в поэтике Чехова изучались исследователями на материале различных произведений. Показательно, что в художественном мире этого писателя эмотивная лексика нередко функционирует по принципу контраста: за внешне спокойными, нейтральными словами скрывается глубокое внутреннее переживание, которое читатель должен угадать, реконструировать из подтекста [Малинина, 2024, с. 24–38]. Это свойство чеховской прозы — способность передавать сильнейшие эмоции через намеренно приглушённые, сдержанные языковые средства — делает её особенно ценным объектом для изучения механизмов функционирования эмотивной лексики в художественном тексте.

Функции эмотивной лексики в художественном тексте не ограничиваются выражением психологического состояния персонажей: она активно участвует в организации текстового пространства произведения, обеспечивая его тематическую и эмоциональную целостность. Эмотивные лейтмотивы — повторяющиеся эмотивные образы или лексические единицы — скрепляют текст изнутри, создавая глубинную смысловую и эмоциональную связность. В этой функции эмотивная лексика выступает одним из важнейших средств когезии художественного текста [Магомедова, 2020, с. 171–175].

Следует также подчеркнуть, что функции эмотивной лексики реализуются не изолированно, а в системном взаимодействии. Одна и та же лексическая единица способна одновременно характеризовать персонажа, выражать авторскую оценку и воздействовать на читателя, создавая

многомерный художественный эффект. Именно эта полифункциональность делает эмотивную лексику столь значимым элементом художественного текста, не сводимым ни к одной из отдельно взятых функций.

Коммуникативно-прагматический потенциал эмотивности в художественном тексте реализуется в процессе чтения: именно тогда эмотивные смыслы, заложенные автором, актуализируются в сознании читателя, вызывая соответствующие эмоциональные реакции. Этот процесс не является механическим: читатель не просто воспринимает готовые эмоциональные содержания, но активно их интерпретирует, соотнося с собственным эмоциональным опытом. Именно поэтому одно и то же произведение может вызывать различный эмоциональный отклик у разных читателей, хотя общая эмотивная направленность текста остаётся относительно устойчивой [Трубкина, 2020, с. 312–314].

Таким образом, эмотивная лексика в художественном тексте — это не просто языковой инструмент передачи эмоций, но сложное художественное явление, выполняющее целый спектр функций и определяющее важнейшие характеристики произведения — его тональность, образность, психологическую глубину и воздействие на читателя. Изучение эмотивной лексики в художественном тексте позволяет глубже понять, как специфику идиостиля конкретного автора, так и общие закономерности художественной коммуникации [Чернейко, 2022, с. 128–139].

Выводы по Главе 1

Проведённый в первой главе теоретический анализ позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, определяющих концептуальную основу настоящего исследования.

Во-первых, эмоции представляют собой фундаментальный психолингвистический феномен, органично вписанный в структуру языковой системы. Разграничение понятий «эмоция» как психологической реальности и

«Эмотивность» как лингвистической категории является принципиально важным для корректного описания механизмов языкового воплощения эмоционального содержания. Эмотивность — это системное свойство языковых единиц, обнаруживающее себя на всех уровнях языковой организации и реализующееся в тесном взаимодействии с категориями экспрессивности, оценочности и интенсивности.

Во-вторых, отражение категории эмотивности в языке осуществляется через многоуровневую систему средств — лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических и текстовых. Ядро этой системы образует эмотивная лексика — слова, обладающие устойчивым эмоционально-оценочным компонентом значения. Взаимодействие различных уровней языка в создании эмотивного эффекта обуславливает богатство и гибкость системы языкового выражения эмоций.

В-третьих, в художественном тексте эмотивная лексика приобретает особую художественную нагруженность и выполняет многообразные функции: экспрессивно-изобразительную, характерологическую, оценочную, воздействующую, сюжетообразующую и когезивную. Художественный текст является уникальным пространством для реализации эмотивного потенциала языка, поскольку включает эмотивные средства в сложную систему образных и тематических отношений, придавая им новые смысловые измерения.

Эти теоретические положения составляют концептуальную основу для анализа эмотивной лексики в произведениях А.П. Чехова, который будет осуществлён в последующих главах настоящей работы.

Глава 2. Анализ использования эмотивной лексики в рассказах

А.П. Чехова

2.1. Эмотивная лексика как объект лингвистики в творчестве

А.П. Чехова

Творчество Антона Павловича Чехова представляет собой уникальное пространство для лингвистического анализа эмотивной лексики, поскольку писатель, известный своей лаконичностью и «подтекстовым» методом изображения действительности, тем не менее создаёт исключительно богатую эмоциональную картину мира, реализуемую через тщательно отобранные языковые средства. Эмотивная лексика в его произведениях — это не просто совокупность слов, называющих или выражающих эмоции, но сложная система значений, коннотаций и смыслов, которая обеспечивает особое психологическое напряжение чеховского текста. Именно поэтому обращение к данной теме в рамках лингвистики текста и лингвопоэтики является актуальным и продуктивным направлением современных исследований.

Прежде чем переходить к анализу конкретных произведений, необходимо обозначить теоретические координаты, в которых функционирует понятие эмотивной лексики применительно к чеховскому творчеству. В современной лингвистике утвердилось понимание эмотивности как категории, отражающей способность языковых единиц выражать эмоциональное отношение говорящего к денотату, к адресату или к самому акту коммуникации. Эмотивность при этом рассматривается как самостоятельная лингвистическая категория, имеющая собственные формальные и содержательные характеристики и не сводимая ни к экспрессивности в широком смысле, ни к оценочности как таковой [Владимирова, 2019, с. 156–158]. Вместе с тем данные категории теснейшим образом взаимосвязаны: экспрессивность усиливает эмотивный заряд высказывания, а оценочность нередко служит его содержательной основой [Климченко, 2023, с. 162].

Применительно к художественному тексту эмотивность приобретает особое измерение: здесь она является не только характеристикой речи персонажей или авторского повествования, но и структурообразующим принципом всего произведения. В рассказах Чехова эмотивная лексика выполняет функцию создания психологического портрета героя, формирования атмосферы и подтекста, а также реализации авторской иронии — одного из наиболее характерных инструментов чеховской поэтики [Алексина, Степин, 2022, с. 381]. Именно в силу этой многофункциональности эмотивная лексика в творчестве Чехова давно стала предметом специального научного интереса.

Индивидуально-художественная картина мира Чехова, как показывают исследователи, определяется особым отношением писателя к человеческим эмоциям: он никогда не изображает чувства персонажей прямолинейно, открыто, с надрывом — напротив, эмоция у Чехова всегда «спрятана», завуалирована, выражена косвенно, через деталь, жест, реплику или нарочито бесстрастную интонацию повествователя. Это обстоятельство делает исследование эмотивной лексики в его текстах особенно сложной, но и особенно увлекательной задачей. Место эмотивной лексики в чеховской картине мира хорошо видно на примере его зрелых пьес: даже в «Вишнёвом саде», где эмоциональная тема выведена на первый план — прощание с прошлым, утрата родового гнезда, — собственно эмотивные единицы используются крайне экономно, уступая место символическим образам и подтекстовым смыслам [Котельникова, 2019, с. 17–19].

В ранних рассказах, однако, ситуация несколько иная. Здесь Чехов ещё активнее прибегает к прямым обозначениям эмоциональных состояний, хотя уже и в этот период его индивидуальный стиль задаёт особую дистанцию между названием чувства и его изображением. Лексика, передающая эмоциональные состояния персонажей в ранних рассказах, составляет значительный пласт художественного словаря писателя и охватывает как общеупотребительные номинации эмоций (страх, радость, тоска, смущение),

так и специфически авторские, контекстуальные единицы, приобретающие эмотивное значение именно в данном тексте [Отажонова, 2025, с. 205–207].

Переход от ранних к зрелым рассказам сопровождается не исчезновением эмотивной лексики, но существенным изменением принципов её использования. Прямые номинации эмоций всё более уступают место косвенным, подтекстовым способам выражения чувств, что соответствует общей эволюции чеховской поэтики в сторону большей психологической сложности. Это движение прослеживается на уровне конкретных лексических выборов писателя и поддаётся строгому лингвистическому описанию.

Важной особенностью чеховского подхода к эмотивной лексике является её теснейшая связь с комическим началом. Смех в произведениях Чехова выполняет не только развлекательную, но и глубоко психологическую функцию: он становится способом выражения и одновременно снятия эмоционального напряжения, средством социальной критики и инструментом авторской дистанции по отношению к изображаемому. Мотив «веселья» и функции смеха в произведениях Чехова неоднократно становились предметом специального научного изучения, причём в сравнительном контексте — в частности, в сопоставлении с поэтикой Островского, что позволяет выявить специфику именно чеховской смеховой традиции [Мокина, 2020, с. 298–302]. В данном контексте особенно важно, что смех у Чехова нередко «замещает» прямое выражение негативных эмоций — горя, страха, отчаяния, — и тогда эмотивная лексика оказывается «перевернутой», иронически переосмысленной.

Рассматривая творчество Чехова в более широком культурном контексте, исследователи обращают внимание на его диалогичность по отношению к самым разным явлениям мировой культуры. Так, сопоставление чеховских диалогов с диалогами в кино Тарантино, при всей кажущейся парадоксальности такого сопоставления, позволяет выявить общие принципы построения эмоционально насыщенного диалога, в котором «ничего не происходит» на поверхностном уровне, но при этом создаётся мощное

подспудное эмоциональное напряжение [Афони́на, 2022, с. 24–26]. Это наблюдение подтверждает, что эмотивная лексика у Чехова функционирует прежде всего на уровне подтекста, а не открытого высказывания.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о метафорических характеристиках персонажей как способе создания их эмотивного портрета. Метафора в художественном тексте Чехова служит одним из главных инструментов косвенного выражения эмоций: через метафорический образ читатель получает доступ к внутреннему состоянию персонажа, минуя прямую номинацию чувства. Особенно ярко этот приём прослеживается в более крупных произведениях — например, в повести «Дуэль», где метафорические характеристики персонажей создают целостную эмоциональную атмосферу текста [Фокина, 2020, с. 60–63].

Существенным аспектом анализа эмотивной лексики в творчестве Чехова является вопрос о формах психологического анализа, которые писатель использует для передачи внутреннего состояния своих героев. В отличие от Толстого с его «диалектикой души» или Достоевского с его исповедальными монологами, Чехов предпочитает внешний психологизм: внутреннее состояние персонажа передаётся через описание его поведения, жестов, мимики, через несобственно-прямую речь. Это означает, что эмотивная лексика в чеховских текстах распределена особым образом: она концентрируется не в монологах-исповедях, а в кратких ремарках повествователя, в диалогических репликах, в описании физических реакций персонажей на происходящее [Алексина, Степин, 2022, с. 382–384].

Немаловажно также рассмотреть семантическую характеристику оценочной лексики, именующей персонажей, — поскольку именно через наименование героев нередко реализуется эмотивная установка автора или рассказчика. В произведениях Чехова оценочные наименования персонажей отличаются высокой степенью семантической насыщенности: они одновременно характеризуют социальный статус, психологический тип и эмоциональное состояние персонажа, причём нередко создают эффект

иронического несоответствия между официальным статусом и реальным положением героя [Али, 2018, с. 54–56].

В академических исследованиях последних лет всё активнее ставится вопрос о категории эмотивности в современной русской литературе в целом и о её специфике в классических текстах XIX века. Чеховское творчество при этом занимает особое место: с одной стороны, оно принадлежит к эпохе, когда эмотивная функция языка ещё не была теоретически осмыслена, но с другой — именно в чеховских текстах она реализуется с исключительной художественной последовательностью и изошрённостью. Это делает произведения Чехова идеальным материалом для изучения эмотивной лексики как в теоретическом, так и в практическом аспекте [Ивницкий, 2023, с. 32–36].

Показательно, что рассказы Чехова активно используются и в практике преподавания русского языка как иностранного, что свидетельствует об их исключительной дидактической ценности с точки зрения изучения эмотивной лексики. Тексты Чехова насыщены выразительными образцами употребления эмотивных единиц в естественном контексте, что делает их превосходным материалом для формирования у иностранных студентов навыков понимания эмоционально окрашенной русской речи [Ким, 2024, с. 2–5].

Для систематизации основных типов эмотивной лексики, встречающейся в творчестве Чехова, представим сводную таблицу, основанную на анализе исследовательской литературы.

Приведённая типология не является исчерпывающей и допускает дальнейшее уточнение применительно к конкретным произведениям. Границы между отдельными типами эмотивной лексики в чеховских текстах нередко оказываются проницаемыми: одна единица может одновременно относиться к нескольким типам. Именно эта «размытость» классификационных границ отражает художественную сложность чеховского слова, его принципиальную многозначность и неисчерпаемость.

Таблица 6. Типология эмотивной лексики в художественных текстах А.П. Чехова

Тип эмотивной лексики	Характеристика	Примеры функций в текстах Чехова
Прямые номинации эмоций	Слова, непосредственно называющие эмоциональное состояние	Тоска, страх, радость, смущение
Оценочная лексика	Слова с положительной или отрицательной коннотацией	Наименования персонажей, эпитеты
Экспрессивно-эмотивная лексика	Единицы, совмещающие эмотивное и экспрессивное значения	Восклицательные реплики, инвективы
Метафорические обозначения эмоций	Косвенная номинация через образ	Образы природы, болезни, пространства
Соматическая эмотивная лексика	Обозначения физических реакций на эмоции	Дрожь, побледнел, сердце сжалось
Контекстуальные эмотивы	Нейтральные слова, приобретающие эмотивное значение в тексте	Молчание, пауза, жест

Как следует из приведённой таблицы, эмотивная лексика в текстах Чехова отличается значительным разнообразием типов и форм. Вместе с тем все эти типы объединены общим принципом — принципом «сдержанности» или «экономии» в выражении эмоций, который является основополагающим для чеховской поэтики. Даже прямые номинации эмоций у Чехова, как правило, вписаны в иронический или острабяющий контекст, который переосмысляет их исходное значение. Средства выражения эмоций в произведениях Чехова образуют, таким образом, сложную многоуровневую систему, анализ которой требует учёта как лексического, так и синтаксического, и прагматического измерений текста [Муминов, Толстякова, 2020, с. 288–291].

Таблица 7. Результаты дифференциального отбора эмотивной лексики в текстах А.П. Чехова (по методу классификации на основе наличия эмотивности)

Критерий классификации	Лексические единицы с эмотивностью	Лексические единицы без эмотивности
Прямая номинация эмоций	Тоска, страх, радость, смущение	Дом, дорога, стол
Оценочная коннотация	Жалкий, ничтожный, великодушный	Деревянный, широкий
Контекстуальная эмотивность	Молчание, пауза, жест	Движение, звук

Метафорическое обозначение	Сердце сжалось, тоска давила	Небо потемнело
----------------------------	------------------------------	----------------

Метод дифференциального отбора позволяет разграничить лексику чеховских текстов по признаку наличия или отсутствия эмотивности. Большинство ключевых единиц совмещают несколько эмотивных характеристик одновременно, что подтверждает многоуровневую природу эмотивной лексики в художественной системе Чехова и сложность её однозначной классификации вне контекста.

Принципиально важным для понимания места эмотивной лексики в творчестве Чехова является и вопрос о приёме остранения, то есть о способности художественного текста представлять привычные явления как незнакомые, неожиданные, обнажая тем самым их скрытую суть. В применении к эмотивной лексике остранение означает, что эмоция, выраженная словом, может восприниматься читателем совершенно иначе, чем она «заявлена» на поверхностном уровне текста: слово «радость» в чеховском контексте способно нести в себе горькую иронию, а слово «спокойствие» — тревогу [Чернейко, 2022, с. 130–135]. Именно это свойство чеховского слова делает его таким трудным для однозначной лингвистической классификации и одновременно таким богатым для интерпретации.

Таблица 8. Компонентный (семный) анализ ключевых эмотивных единиц в текстах А.П. Чехова

Лексема	Сема эмоции	Сема интенсивности	Сема оценки	Сема субъекта
тоска	+ (негативная)	высокая	отрицательная	индивидуальный
радость	+ (позитивная)	средняя	положительная	индивидуальный
смущение	+ (негативная)	низкая	отрицательная	индивидуальный
угодливость	+ (негативная)	средняя	отрицательная	социальный
азарт	+ (позитивная)	высокая	нейтральная	коллективный

Компонентный анализ выявляет устойчивую семную структуру эмотивных единиц в текстах Чехова. Большинство из них содержат семы эмоции, интенсивности и оценки одновременно, причём оценочная сема нередко вступает в противоречие с контекстуальным значением, что создаёт эффект иронии — одного из основных приёмов чеховской поэтики.

Подводя итог теоретическому обзору, можно констатировать, что эмотивная лексика в творчестве Чехова является не только лингвистическим феноменом, но и художественно-эстетической категорией, неразрывно связанной с поэтикой писателя в целом. Её изучение предполагает выход за рамки собственно лексического анализа и требует обращения к широкому контексту — историко-литературному, культурологическому и психологическому, — что делает данную тему исключительно актуальной и перспективной для современного языкознания.

Изучение эмотивной лексики в творчестве Чехова, таким образом, представляет собой задачу, которая выходит за рамки сугубо лингвистической и приобретает характер культурологического исследования. Язык Чехова является зеркалом эпохи с её особым эмоциональным кодом, нормами выражения и подавления чувств в различных социальных ситуациях. Анализ этого кода позволяет глубже понять не только художественный мир писателя, но и ментальность русского общества конца XIX века.

2.2. Эмотивная лексика в рассказах «Смерть чиновника», «Тоска», «Хамелеон»

Три рассказа, рассматриваемые в данном параграфе, — «Смерть чиновника» (1883), «Тоска» (1886) и «Хамелеон» (1884) — относятся к числу наиболее известных и изученных произведений раннего Чехова. При всём своём различии в тематике и интонации они объединены общей чертой: в каждом из них эмотивная лексика играет ключевую роль в создании художественного смысла, причём механизмы её использования в каждом случае специфичны и заслуживают отдельного рассмотрения.

Рассказ «Смерть чиновника» представляет собой один из ярчайших образцов чеховской иронической прозы. В основе его сюжета лежит, казалось бы, анекдотическая ситуация: мелкий чиновник Червяков случайно чихает на генерала Брижжалова в театре и впоследствии умирает от страха перед

предполагаемым гневом начальника. Вся эмотивная система рассказа организована вокруг центральной эмоции — страха — и вокруг её иронического «переноса»: на поверхностном уровне страх представлен как реальное, всепоглощающее чувство Червякова, но на уровне авторской позиции он предстаёт абсурдной, гротескной реакцией, порождённой болезненным рабским сознанием. Лексика, передающая эмоциональные состояния персонажей в ранних рассказах Чехова, демонстрирует именно эту двойственность: слова «смутился», «испугался», «ужаснулся» описывают реальное переживание героя, но авторская интонация вводит дистанцию, превращая трагедию в комедию [Отажонова, 2025, с. 205–207].

Выбор именно страха в качестве центральной эмоции «Смерти чиновника» неслучаен: в контексте чиновничьего мира страх является системообразующим чувством, определяющим поведение и мышление целого социального типа. Чехов показывает, как этот страх утрачивает связь с реальной угрозой и превращается в самодовлеющее, патологическое состояние. Именно эта патологичность и составляет предмет авторской иронии, реализуемой через тщательно выстроенную систему эмотивных единиц.

Важно отметить, что в «Смерти чиновника» Чехов использует характерный для своей ранней прозы приём: прямые номинации эмоций чередуются с описаниями физических реакций персонажа, причём вторые нередко оказываются выразительнее первых. «Домой пришёл он машинально», «лёг на диван, не снимая вицмундира», — подобные описания поведения Червякова создают эффект эмоционального шока, переданного не через называние чувства, а через фиксацию автоматических, «омертвелых» действий. Именно такой способ выражения эмоции — через соматическую реакцию или бессознательное действие — является одним из наиболее характерных для чеховской прозы и составляет особый пласт эмотивной лексики, который условно можно назвать «поведенческим» [Муминов, Толстякова, 2020, с. 289–293].

Семантическая характеристика оценочной лексики, именующей персонажей, также заслуживает особого внимания в данном рассказе. Говорящая фамилия «Червяков» несёт в себе мощный оценочный и эмотивный заряд: она не только характеризует социальный статус и психологический тип героя, но и предопределяет эмоциональную реакцию читателя — сочувствие, смешанное с иронией [Али, 2018, с. 54–55]. Фамилия «Бризжалов», в свою очередь, через фонетическую ассоциацию с глаголом «брызжать» создаёт образ человека, склонного к внезапным вспышкам раздражения, хотя по ходу рассказа генерал оказывается вполне добродушным.

Таблица 9. Лексико-семантический анализ говорящих имён и оценочных номинаций персонажей в рассказе «Смерть чиновника»

Номинация	Лексическое значение / ассоциация	Эмотивная характеристика персонажа	Функция в тексте
Червяков	«Червяк» — ничтожное существо	Унижение, жалость, ирония	Психологическая характеристика героя
Бризжалов	«Брызжать» — вспыхивать	Угроза, агрессия (мнимая)	Создание ложного образа грозного начальника

Лексико-семантический анализ оценочных номинаций персонажей показывает, что говорящие имена и социальные характеристики у Чехова несут мощный эмотивный заряд. Они предопределяют читательское восприятие героя ещё до раскрытия его характера в сюжете и формируют иронический подтекст, характерный для чеховской прозы.

Совершенно иную эмотивную структуру представляет рассказ «Тоска». Если «Смерть чиновника» построена на иронии, то «Тоска» — на элегической серьёзности, хотя и здесь авторская позиция далека от сентиментальности. Центральная эмоция рассказа — тоска, невыразимое горе потерявшего сына извозчика Ионы Потапова, — вынесена уже в заглавие, что само по себе является знаковым лексическим решением. Слово «тоска» в русском языке отличается исключительной семантической ёмкостью: оно обозначает особое состояние душевной боли, тревоги и тягостной пустоты, не имеющее точных

эквивалентов в большинстве европейских языков. Тем самым уже заглавие задаёт эмотивный ключ всего текста и апеллирует к культурно-специфическому концепту, хорошо знакомому русскому читателю [Эльстон-Бирон, 2025, с. 111–113].

Слово «тоска» в качестве заглавия рассказа задаёт не просто тему, но особую герменевтическую установку: читатель с первых строк знает, что перед ним — история о невыразимом горе, и ожидает, что именно язык станет испытанием на способность или неспособность передать это переживание. Чехов не обманывает этого ожидания: весь рассказ строится как демонстрация недостаточности языка перед лицом подлинного страдания. Это придаёт тексту особую философскую глубину, выходящую за рамки бытовой истории.

По ходу рассказа Чехов последовательно воздерживается от прямого названия горя Ионы: повествователь почти не описывает его внутреннее состояние «изнутри», предпочитая фиксировать внешнее поведение — молчаливость, механические движения, попытки заговорить с пассажирами. Эмотивная лексика здесь функционирует на двух уровнях: на уровне авторского повествования и на уровне речи самого Ионы. В авторском тексте эмоция передаётся преимущественно через метафорические образы — особенно знаменитый образ снега, покрывающего фигуру извозчика, который создаёт ощущение нарастающего одиночества и оцепенения. В речи Ионы, напротив, преобладают прямые, но краткие и как будто неловкие попытки назвать своё состояние: «Сынок-то у меня...помер», «Смешное дело». Эта неловкость, невозможность найти слова для выражения горя, сама по себе является мощным эмотивным приёмом [Кунтыш, 2021, с. 162–165].

Средства репрезентации эмотивов страха, одиночества и горя в произведениях Чехова в целом образуют устойчивую систему. В «Тоске» особенно важна роль диалога как пространства, в котором реализуется или, напротив, блокируется эмоциональный контакт между людьми. Попытки Ионы рассказать о своём горе раз за разом обрываются — пассажиры не слышат его, не хотят слышать. Таким образом, диалог в рассказе превращается

в антидиалог, в демонстрацию невозможности коммуникации, и именно в этом контексте финальная «беседа» извозчика с лошастью приобретает свой пронзительный смысл [Оспанова, Котова, 2023, с. 58–61].

Таблица 10. Основные эмотивные единицы в рассказах «Смерть чиновника» и «Тоска»

Рассказ	Доминирующая эмоция	Способ выражения	Примеры лексических единиц
«Смерть чиновника»	Страх, унижение	Прямая номинация + поведенческое описание	Смутился, испугался, ужаснулся, сконфузился, забормотал, попятился, «лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось...»
«Тоска»	Тоска, одиночество, горе	Изобразительно-выразительные средства	«Тоска ... распирает грудь», «глаза ... мученически бегают», «тоска громадная, не знающая границ», «лопни грудь Ионы и вылейся из неё тоска, так она бы, кажется, весь свет залила», «весь бел, как привидение», «водит глазами, как угорелый», «ёрзает на козлах, как на иголках»

Рассказ «Хамелеон» представляет собой ещё один тип организации эмотивной лексики — на этот раз преобладает не страх и не тоска, а комплекс социальных эмоций: угодливость, лесть, раздражение, злорадство. Главный персонаж рассказа, полицейский надзиратель Очумелов, демонстрирует стремительную смену эмоциональных реакций в зависимости от того, кому принадлежит укусившая мастера Хрюкина собака — простому горожанину или генералу. Эта стремительная смена составляет саму суть «хамелеонства» как социально-психологического феномена и находит прямое отражение в эмотивной лексике текста.

Феномен «хамелеонства», блестяще воплощённый Чеховым в данном рассказе, имеет глубокие социально-психологические корни, которые писатель вскрывает именно через систему эмотивной лексики. Быстрая смена эмоциональных реакций Очумелова — не просто личная черта персонажа, но симптом социальной болезни, при которой человек утрачивает способность к устойчивым, искренним чувствам. Эмотивная лексика здесь выполняет

диагностическую функцию, позволяя поставить «социальный диагноз» через анализ речевого поведения героя.

Агентивные конструкции в рассказе «Хамелеон» занимают особое место: именно через них реализуется скачкообразная эмоциональная динамика текста. Переключение позиции Очумелова — от гнева к угодливости и обратно — фиксируется через смену агентива: то он действует как грозный представитель власти, то превращается в ничтожного подхалима. Лингвистический анализ этих переходов позволяет выявить чёткую корреляцию между агентивом, то есть грамматической позицией субъекта действия, и эмотивной окраской высказывания [Морозова, 2018, с. 95–96].

Важно также отметить, что в «Хамелеоне» Чехов активно использует мотив «веселья» и смеха как форму авторской эмоциональной реакции на изображаемое. Смех здесь направлен не на конкретного персонажа, а на социальный тип — на холуйство и угодничество как системное явление русской жизни. Тем самым эмотивная лексика рассказа приобретает обобщающий, типизирующий смысл, выходящий за рамки конкретной анекдотической ситуации [Мокина, 2020, с. 305–308].

В контексте анализа эмотивных смыслов в произведениях Чехова показательно сопоставление трёх рассмотренных рассказов по принципу доминирующего эмотивного модуса. В «Смерти чиновника» доминирует трагикомическое — страх, доведённый до абсурда. В «Тоске» — элегическое горе, лишённое какого-либо разрешения. В «Хамелеоне» — сатирическое обличение через показ эмоциональной непоследовательности персонажа. Эта вариативность свидетельствует о том, что Чехов сознательно использует эмотивную лексику как инструмент жанрово-интонационной дифференциации своих произведений [Четверикова, Калмыкова, 2022, с. 57–60].

Таблица 11. Сравнительная характеристика эмотивных модусов в трёх рассказах

Рассказ	Эмотивный модус	Основные эмотивные единицы	Функция эмотивной лексики
«Смерть чиновника»	Трагикомический	Попятился, поплёлся, помер, сконфузился	Создание иронического подтекста
«Тоска»	Элегический	Тоска, горе, молчание, одиночество	Формирование атмосферы невысказанного
«Хамелеон»	Сатирический	«Держи карман шире», «шельма эдакая», «ты... рану на миллион рублей раздул!»	Обличение социального типа

Рассматривая эмотивную лексику в данных рассказах в более широком контексте, необходимо учитывать, что Чехов работает с эмоцией не как с психологическим фактом, подлежащим точному описанию, а как с художественным знаком, значение которого определяется контекстом. Лексико-тематическая группа обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления в лексической структуре рассказов Чехова охватывает как ядерные единицы — непосредственные номинации чувств, — так и периферийные, куда входят описания жестов, мимики, интонации и поведения персонажей [Кунтыш, 2021, с. 160–167]. Именно взаимодействие ядерных и периферийных единиц создаёт ту «объёмность» чеховского изображения эмоций, которая делает его тексты неисчерпаемыми для анализа.

Таблица 12. Наблюдения за эмотивной лексикой в диалогах рассказов «Тоска» и «Хамелеон» (метод непосредственных наблюдений)

Рассказ	Тип диалога	Наблюдаемые эмотивные единицы	Эмотивный эффект
«Тоска»	Несостоявшийся диалог	Молчание, «сынوك помер», «смешное дело»	Невозможность коммуникации, нарастающее одиночество
«Хамелеон»	Публичный диалог-обличение	«Оштрафовать», «туда ему и дорога», «цацкаться»	Демонстрация социальной угодливости

Метод непосредственных наблюдений за диалогическими фрагментами текстов позволяет зафиксировать принципиальное различие в функции эмотивной лексики: в «Тоске» она сигнализирует о коммуникативном провале, тогда как в «Хамелеоне» — обнажает социальную маску персонажа.

Диалог у Чехова является ключевым пространством реализации эмотивных смыслов.

В итоге анализ эмотивной лексики в рассказах «Смерть чиновника», «Тоска» и «Хамелеон» показывает, что Чехов в каждом случае выстраивает уникальную систему эмотивных значений, подчинённую общей художественной задаче произведения. Эмотивная лексика здесь не является «украшением» текста или его эмоциональным «усилителем» — она является структурным элементом смысла, без которого невозможно адекватное понимание ни одного из этих рассказов. Эмотивные смыслы и средства их вербальной манифестации в прозе Чехова всегда соответствуют конкретной художественной задаче и подчиняются единой авторской стратегии — стратегии сдержанности, иронии и психологической глубины.

2.3. Эмотивная лексика в рассказах для внеклассного чтения «Хирургия», «Пересолил», «Налим»

Рассказы «Хирургия» (1884), «Пересолил» (1885) и «Налим» (1885) традиционно включаются в программы внеклассного чтения для учащихся средней школы и занимают особое место в педагогическом освоении творчества Чехова. Их отличительная черта — подчёркнутая комедийность, основанная на бытовых ситуациях, легко узнаваемых и понятных читателю любого возраста. Вместе с тем именно в этой кажущейся «простоте» скрыта богатейшая система эмотивной лексики, функционирующей в соответствии с чёткими художественными законами. Анализ данных рассказов позволяет выявить специфику чеховского юмористического метода с точки зрения лингвистики эмоций.

Рассказ «Хирургия» представляет собой блестящий образец чеховского фарса: фельдшер Курятин берётся вырвать зуб дьячку Вонмигласову, но, демонстрируя показную самоуверенность и оперируя псевдомедицинским жаргоном, раз за разом терпит неудачу. Эмотивная система рассказа строится

на контрасте между демонстративным спокойствием и профессиональным апломбом Курятина, с одной стороны, и нарастающими болью и негодованием Вонмигласова — с другой. Лексика, обозначающая боль и страдание дьячка, образует нарастающую эмотивную шкалу: от первоначального терпеливого «болит-с, ваше благородие» — через всё более взволнованные реплики — к финальному негодованию и ругательствам.

Показательно, что боль в рассказе принципиально лишена какого-либо трагического измерения: Чехов намеренно удерживает её в комическом регистре, не позволяя читателю воспринять страдание Вонмигласова всерьёз. Этот эффект достигается прежде всего за счёт несоответствия между интенсивностью эмотивной лексики и нарочито будничной, сниженной интонацией повествователя. Именно такое сочетание высокой эмотивной насыщенности и сниженного стилистического регистра является фирменным чеховским приёмом в юмористических рассказах.

Особый интерес с точки зрения лингвистического анализа представляет соотношение «тематических групп частей тела» и эмотивной лексики в тексте рассказа. Описания физических ощущений Вонмигласова — боли, неловкости, страха перед очередной попыткой — составляют значительную часть эмотивного пространства текста. Работа со словарём «частей тела» в контексте данного рассказа активно применяется и в практике преподавания русского языка как иностранного: именно чеховский текст позволяет продемонстрировать, как нейтральная соматическая лексика приобретает ярко выраженную эмотивную окраску в зависимости от контекста [Логунова, Алферова, 2023, с. 108–110].

Таблица 13. Эмотивная динамика в рассказе «Хирургия»

Этап действия	Состояние Вонмигласова	Ключевые эмотивные единицы	Состояние Курятина
Начало приёма	Терпеливое ожидание	«Болит-с», «покорно прошу»	Самодовольное спокойствие
Первая попытка	Боль, тревога	«Ой-ой-ой», «тянет»	Напускная невозмутимость
Повторные попытки	Нарастающее негодование	«Батюшки!», «лопнет голова»	Растерянность под маской апломба

Финал	Гнев, возмущение	«Живодёр», «мучитель»	Оправдание, обида
-------	------------------	--------------------------	-------------------

Рассказ «Пересолил» построен на несколько ином принципе. Здесь эмотивная динамика определяется страхом — но не физической болью, как в «Хирургии», а страхом воображаемым, порождённым разгулявшейся фантазией землемера Смирнова, который едет ночью с незнакомым мужиком-извозчиком и пугается его до такой степени, что начинает выдумывать несуществующих попутчиков и оружие. Комизм ситуации состоит в том, что выдумки Смирнова пугают уже самого мужика, и тот убегает в лес, оставив пассажира одного в ночи. Таким образом, страх в рассказе «заражает» обоих персонажей, переходя от одного к другому, — что является великолепным примером того, как эмотивная лексика может выполнять сюжетобразующую функцию.

В «Пересолил» Чехов активно использует нарастание как принцип построения эмотивного ряда. Реплики землемера начинаются с осторожных намёков и постепенно превращаются в бурные рассказы об оружии и попутчиках. Соответственно меняется и эмотивная окраска его речи: нейтральные высказывания уступают место всё более аффективным, насыщенным эмоционально маркированными единицами. Лексика страха при этом распределяется неравномерно: внутреннее состояние Смирнова передаётся преимущественно через поведение и мимику, тогда как вербализованная эмотивность сосредоточена в его репликах, адресованных извозчику. Такое разделение — между невербализованным внутренним состоянием и вербализованной эмоцией, направленной на другого, — является характерным чеховским приёмом [Кунтыш, 2021, с. 163–166].

Рассказ «Налим» представляет собой, пожалуй, наиболее «физическую» из трёх рассматриваемых комедий: мужики пытаются вытащить налима из-под коряги, и всё их усилие сосредоточено в этой борьбе с рыбой. Эмотивная система рассказа определяется нарастающим азартом, раздражением и финальным торжеством или разочарованием — в зависимости от исхода

попытки. Азарт как эмоциональное состояние реализуется здесь прежде всего через глагольную лексику — описание движений, попыток, усилий, — а также через короткие восклицательные реплики, насыщенные просторечными эмотивными единицами.

Коллективный характер эмоции в «Налиме» влечёт за собой особую организацию диалогического пространства текста: реплики персонажей перебивают и дополняют друг друга, создавая эффект единого эмоционального потока. Индивидуальные эмотивные единицы здесь неотделимы от общего хора голосов, что принципиально отличает данный рассказ от «Хирургии» или «Пересолила». Это делает «Налим» уникальным примером того, как коллективное эмоциональное переживание может быть воплощено в структуре художественного диалога.

Таблица 14. Наблюдения за просторечными и восклицательными эмотивными единицами в рассказах «Хирургия» и «Налим»

Рассказ	Лексическая единица	Стилистический регистр	Выражаемая эмоция	Функция
«Хирургия»	«Батюшки!», «живодёр», «мучитель», «дёрнул, ирод!», «света божьего не вижу...», «тошнёхонько мне»	Просторечие	Боль, гнев	Передача нарастающего возмущения
«Хирургия»	«Хирургия – пустяки... Раз плюнуть», «ну, ну... ничего», «нечего бояться»	Просторечие	Ложное спокойствие	Ирония, разоблачение некомпетентности
«Налим»	«Тащи!», «держи!», «хватай!», «топор подайте!»	Императив	Азарт, возбуждение	Создание коллективного эмотива

Наблюдения за стилистическим регистром эмотивных единиц подтверждают, что Чехов намеренно сталкивает «высокий» и «низкий» регистры речи для создания комического эффекта. Просторечная эмотивная лексика в юмористических рассказах выступает главным носителем

эмоционального содержания и одновременно — инструментом социальной характеристики персонажей.

В «Налиме» особенно показательна роль диалога в создании эмотивного пространства текста. Разговор мужиков, перебрасывающихся короткими репликами в ходе общей «охоты» на рыбу, создаёт живую коллективную эмоцию, в которой индивидуальные чувства каждого персонажа растворяются в общем потоке азарта и раздражения. Именно через диалог в данном рассказе реализуется то, что можно назвать «коллективным эмотивом» — эмоциональным состоянием, которое принадлежит не одному персонажу, а группе в целом. Это явление редко становится предметом специального лингвистического исследования, хотя оно широко представлено в чеховских текстах, особенно в его юмористических рассказах.

Таблица 15. Сравнительный анализ эмотивной лексики в рассказах «Хирургия», «Пересолил», «Налим»

Рассказ	Доминирующая эмоция	Источник эмоции	Способ выражения	Примеры из текста
«Хирургия»	Боль → Гнев	Физическое страдание	Восклицания	«...и вдруг дьячок вскрикивает: - Ого-го-го!», «Ой, батюшки!», «Отцы наши!...Ангелы!», «Ироды!», «Парршивый чёрт!»
«Пересолил»	Страх	Воображение	Прямая номинация	«...а я-то испугался! Однако, не нужно выдавать своего волнения...», «Чуть я не помер от страха...», «Да я пошутил, голубчик! ...Это я от страха врал!»
«Налим»	Азарт → Раздражение	Коллективное действие	Просторечие	«Знатный налиим!», «Голова ты садовая!», «Скользкий, шут, и ухватить не за что», «Ужо дашь полтинничек... Удружим ежели»

С дидактической точки зрения эти три рассказа представляют особую ценность именно потому, что в них эмотивная лексика используется в

ситуациях, понятных и доступных школьникам: боль от визита к «врачу», страх в темноте, коллективный азарт на рыбалке. Это делает данные тексты превосходным материалом для объяснения принципов функционирования эмотивной лексики в живом, естественном контексте. Применение рассказов Чехова в учебном процессе, в том числе в контексте изучения русского языка как иностранного, подтверждает их исключительную педагогическую ценность [Ким, 2024, с. 3–6].

Необходимо также отметить, что во всех трёх рассказах Чехов прибегает к одному из своих излюбленных приёмов — несоответствию между официальным, «культурным» регистром речи и эмотивно насыщенным просторечием. Именно это несоответствие создаёт комический эффект и одновременно является инструментом социальной характеристики персонажей. Фельдшер Курятин говорит медицинским жаргоном, но этот жаргон совершенно не скрывает его беспомощности; землемер Смирнов выражается «образованно», но его страх прорывается в аффективных восклицаниях; мужики в «Налиме» говорят исключительно просторечно, и именно просторечие становится здесь главным носителем эмотивного содержания [Муминов, Толстякова, 2020, с. 290–294].

Столкновение регистров речи — «культурного» и просторечного — является в чеховских юмористических рассказах не просто стилистическим приёмом, но способом обнажения социальных противоречий. Претензия на образованность или профессионализм, выраженная в официальном жаргоне, разоблачается эмотивной лексикой просторечия, прорывающейся сквозь культурную маску. Таким образом, столкновение языковых регистров в чеховском тексте всегда несёт в себе социально-критическое измерение.

Таблица 16. Описательная классификация эмотивной лексики в рассказах «Хирургия», «Пересолил», «Налим» по типу и источнику эмоции

Рассказ	Тип эмотивной лексики	Источник эмоции	Примеры единиц
«Хирургия»	Соматическая	Физическое страдание	«болит», «лопнет голова», «живодёр»

«Пересолил»	Нарастающая аффективная	Воображение	«разбойники», «нас пятеро», «страшно»
«Налим»	Коллективная просторечная	Совместное действие	«держи!», «тащи!», «вот он!»

Описательный метод с применением классификации и обобщения позволяет выявить устойчивые типы эмотивной лексики в юмористических рассказах Чехова. Источник эмоции — физический, воображаемый или коллективный — напрямую определяет тип используемой лексики и её стилистический регистр, что свидетельствует о последовательной художественной стратегии автора.

Таким образом, эмотивная лексика в рассказах «Хирургия», «Пересолил» и «Налим» функционирует в рамках единой комедийной стратегии, но реализует её по-разному в каждом тексте. Если в «Хирургии» эмотивная шкала строится на нарастании физической боли и социального возмущения, то в «Пересолил» — на прогрессии воображаемого страха, а в «Налиме» — на коллективной эмоции азарта. Эта вариативность свидетельствует о мастерстве Чехова как художника слова, умеющего создавать разнообразные эмоциональные регистры в пределах единого жанра.

2.4. Конспект урока по изучению эмотивной лексики в рассказах

А. П. Чехова

Разработанный конспект урока представляет собой методическую единицу, ориентированную на учащихся 7–8 классов общеобразовательной школы и рассчитанную на один академический час (45 минут). Урок относится к комбинированному типу, сочетающему элементы введения нового материала и практического применения полученных знаний непосредственно в ходе занятия. Полный текст конспекта с подробным описанием каждого этапа, заданиями для групп, рабочим листом и опорной таблицей представлен в Приложении X к настоящей работе.

Тема урока — «Эмотивная лексика в рассказах А. П. Чехова» — выбрана не случайно. Она находится на пересечении нескольких педагогически значимых задач, каждая из которых имеет самостоятельную ценность, а в совокупности они образуют единую воспитательно-образовательную систему.

Прежде всего, рассказы Чехова, входящие в обязательную школьную программу для данной возрастной группы, — «Хамелеон», «Смерть чиновника», «Хирургия», «Тоска» — представляют собой исключительно богатый и при этом педагогически удобный материал для наблюдений над эмотивной лексикой. Эти произведения невелики по объёму, что позволяет работать с ними в рамках одного урока; они хорошо знакомы учащимся; наконец, каждое из них демонстрирует принципиально различные художественные стратегии работы с эмоцией — от прямого названия чувства до его намеренного замалчивания и передачи через косвенные средства. Это разнообразие делает сравнительный анализ особенно продуктивным с методической точки зрения.

Второй аргумент в пользу выбранной темы связан с формированием эмоционального интеллекта учащихся. Работа с эмотивной лексикой предполагает не только лингвистическое, но и психологическое усилие: ученик должен опознать эмоцию, назвать её, соотнести с контекстом и объяснить, как именно слово передаёт то или иное переживание. Такая работа развивает способность к эмпатии, умение осознавать и вербализовать чувства — как чужие, так и собственные, — что представляет очевидную воспитательную ценность и отвечает личностным результатам обучения, зафиксированным в ФГОС.

Развитие эмоционального интеллекта через работу с художественным текстом является одной из приоритетных задач современной педагогики, признающей неразрывную связь между интеллектуальным и эмоциональным развитием личности. Умение «читать» эмоции — как в тексте, так и в реальной жизни — формируется именно через систематическую практику

осмысленного чтения. Урок, построенный вокруг анализа эмотивной лексики, создаёт для этой практики оптимальные условия.

Наконец, изучение эмотивной лексики органично вписывается в контекст уроков по развитию речи и лингвостилистическому анализу художественного текста, которые предусмотрены программой по русскому языку и литературе для 7–8 классов.

В основу урока положен текстоориентированный подход, при котором художественный текст выступает не иллюстрацией к теоретическому материалу, а самостоятельным объектом исследования. Учащиеся не получают готового перечня эмотивных единиц для запоминания — они самостоятельно обнаруживают их в тексте, квалифицируют по предложенной классификации и формулируют выводы об их художественной функции. Такой подход формирует не только предметные знания, но и метапредметные умения: умение анализировать языковые явления в контексте, сравнивать и обобщать, строить аргументированное высказывание.

Элементы лингвостилистического анализа позволяют связать лексическую работу с содержательным и художественным уровнями текста. Ученики не просто находят «эмоциональные слова», но задаются вопросом: зачем автор использует именно это слово? Что изменилось бы, если бы эмоция была выражена иначе? Почему в одном рассказе эмоция называется прямо, а в другом — скрыта за деталью поведения или пейзажем? Эти вопросы переводят урок с уровня механического поиска лексических единиц на уровень смыслового чтения.

Урок выстроен в соответствии с классической семиэтапной структурой комбинированного урока, при этом каждый этап функционально обоснован и логически связан с предыдущим.

Организационный момент (2 минуты) предусматривает не формальную проверку присутствия, а небольшое активизирующее задание: учащимся предлагается вспомнить и записать несколько слов, связанных с чувствами и

эмоциями. Это позволяет сразу ввести учеников в тематическое поле урока и создать необходимый эмоциональный настрой.

Этап актуализации знаний (5 минут) строится на вопросно-ответной беседе, в ходе которой учащиеся актуализируют уже имеющиеся представления о лексике как разделе языкознания и об эмоциях как предмете языковой номинации. Ответы учеников фиксируются на доске и становятся отправной точкой для введения нового понятия — приём, который обеспечивает преемственность между знакомым и новым материалом.

Введение нового материала (10 минут) осуществляется с опорой на мультимедийную презентацию и опорную таблицу, которая содержит классификацию видов эмотивной лексики с примерами и кратким описанием функции каждого вида в тексте (полная таблица приведена в конспекте, размещённом в приложении). Классификация включает пять позиций: номинации эмоций, оценочная лексика, восклицания и междометия, метафорические обозначения чувств и соматическая лексика. Такая многоуровневая классификация отражает реальное многообразие способов языкового выражения эмоции и при этом остаётся доступной для учащихся данного возраста.

Центральным и наиболее продолжительным этапом урока является работа с текстом (15 минут), организованная в форме групповой деятельности. Класс делится на три группы, каждая из которых получает фрагмент из одного из рассказов Чехова: первая группа работает с «Смертью чиновника», вторая — с «Хирургией», третья — с «Тоской». Выбор именно этих рассказов и именно такое их распределение по группам носят принципиальный характер. Каждое из трёх произведений демонстрирует качественно различный тип работы с эмоцией: в «Смерти чиновника» страх персонажа нарастает постепенно и передаётся через его поведение и речь; в «Хирургии» эмоция физически ощутима и выражается восклицаниями, жалобами, инвективами; в «Тоске» горе извозчика Ионы принципиально невыразимо и существует в тексте именно через отсутствие адекватного языкового воплощения. Такой

подбор материала делает последующее обсуждение содержательным и ненадуманым: учащиеся приходят к выводу о зависимости выбора эмотивных средств от художественной задачи произведения не потому, что учитель им об этом сказал, а потому, что они сами наблюдали это различие в процессе работы.

Группировка учащихся по трём различным рассказам преследует не только организационную, но и содержательную цель: каждая группа становится «экспертом» по конкретному типу эмотивной стратегии. В ходе последующего обмена результатами происходит естественное сопоставление этих стратегий, побуждающее учащихся к самостоятельному формулированию обобщений. Такая организация работы значительно эффективнее прямого сообщения готовых выводов учителем.

Результаты групповой работы фиксируются в рабочем листе, структура которого предусматривает четыре графы: найденное слово или выражение, вид эмотивной лексики, выражаемая эмоция и роль в тексте. Такая структура приучает учащихся к систематическому и многоаспектному описанию языкового явления.

Этап обсуждения результатов (8 минут) строится как управляемая дискуссия: представители групп поочерёдно представляют свои наблюдения, учитель задаёт направляющие вопросы, стимулируя сравнение материала, с которым работали разные группы. Именно на этом этапе происходит главное учебное событие урока — синтез частных наблюдений в общий вывод о художественной функции эмотивной лексики у Чехова.

Закрепление (3 минуты) и подведение итогов с домашним заданием (2 минуты) завершают урок, обеспечивая проверку усвоения материала и создавая мотивацию для самостоятельной работы с текстом.

Планируемые результаты урока сформулированы в соответствии с требованиями ФГОС и охватывают три уровня: предметный, метапредметный и личностный. На предметном уровне учащиеся должны освоить понятие «эмотивная лексика», научиться выделять её в тексте и квалифицировать по

типу. На метапредметном — овладеть алгоритмом текстового анализа, опытом работы в группе и навыком аргументированного устного высказывания. На личностном уровне предполагается развитие внимания к слову, как средству выражения чувств и способности к эмпатии как читательскому и человеческому качеству.

Таким образом, разработанный конспект представляет собой методически обоснованную, структурно выверенную и содержательно насыщенную единицу учебного процесса, которая может быть использована как в исходном виде, так и в качестве основы для адаптации под конкретные условия преподавания. Подробное описание всех этапов, раздаточные материалы и опорные таблицы содержатся в Приложении.

Предложенная методическая разработка носит открытый характер и предполагает возможность творческой адаптации учителем в зависимости от уровня подготовленности класса, наличия времени и конкретных целей урока. Отдельные этапы могут быть расширены или сокращены, а набор анализируемых рассказов — скорректирован с учётом программных требований. Гибкость структуры делает данный конспект применимым в самых разных педагогических условиях.

Выводы по Главе 2

Проведённый в данной главе анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов об использовании эмотивной лексики в рассказах А.П. Чехова.

Во-первых, эмотивная лексика занимает центральное место в художественной системе чеховской прозы, являясь не вспомогательным, а структурообразующим элементом текста. Она реализуется на нескольких уровнях одновременно — лексическом, синтаксическом и прагматическом — и не может быть адекватно описана вне художественного контекста конкретного произведения.

Во-вторых, ключевой особенностью чеховского обращения с эмотивной лексикой является принцип сдержанности и косвенности: писатель последовательно избегает прямых, открытых деклараций чувств, предпочитая косвенные, метафорические, поведенческие и соматические способы их выражения. Это определяет особую «глубину» чеховского текста, в котором эмоциональный подтекст неизменно богаче, чем буквальное значение слов.

В-третьих, анализ конкретных рассказов — «Смерть чиновника», «Тоска», «Хамелеон», «Хирургия», «Пересолил», «Налим» — демонстрирует значительное разнообразие эмотивных стратегий в пределах единого авторского стиля. Каждый рассказ выстраивает собственную систему эмотивных значений, соответствующую его жанровым и тематическим особенностям: трагикомическую, элегическую, сатирическую или фарсовую.

В-четвёртых, рассмотренные рассказы представляют собой ценный дидактический материал для изучения эмотивной лексики в школьной и вузовской аудитории, что подтверждается разработанным конспектом урока, ориентированным на текстоориентированный подход и формирование у учащихся практических навыков лингвистического анализа художественного текста.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено изучению функционально-семантического своеобразия эмотивной лексики в рассказах А.П. Чехова. В ходе работы был решён комплекс теоретических и практических задач, позволивших достичь поставленной цели и сформулировать ряд обобщающих выводов.

В первой главе была заложена теоретическая основа исследования. Анализ научной литературы показал, что эмотивность представляет собой самостоятельную лингвистическую категорию, принципиально отличную от смежных понятий — экспрессивности и оценочности, — хотя и находящуюся с ними в отношениях тесного взаимодействия. Разграничение понятий «эмоция» как психологической реальности и «эмотивность» как языкового свойства позволило чётко определить предмет лингвистического анализа и избежать смешения психологического и собственно языкового аспектов изучения данного явления. Было установлено, что эмотивность реализуется на всех уровнях языковой системы — лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и текстовом, — образуя многоуровневую систему средств выражения эмоционального содержания. Ядро этой системы составляет эмотивная лексика, обладающая устойчивым эмоционально-оценочным компонентом значения.

Было также установлено, что в художественном тексте эмотивная лексика выполняет многообразные функции, не сводимые к простой передаче эмоций: экспрессивно-изобразительную, характерологическую, оценочную, воздействующую, сюжетообразующую и когезивную. Художественный текст является особым пространством функционирования эмотивной лексики, поскольку включает её в сложную систему образных, тематических и композиционных отношений, придавая ей новые смысловые измерения.

Во второй главе теоретические положения были верифицированы на материале шести рассказов А.П. Чехова: «Смерть чиновника», «Тоска»,

«Хамелеон», «Хирургия», «Пересолил» и «Налим». Анализ показал, что эмотивная лексика занимает центральное место в художественной системе чеховской прозы и является не вспомогательным, а структурообразующим элементом текста.

Ключевой особенностью чеховского обращения с эмотивной лексикой оказался принцип сдержанности и косвенности: писатель последовательно избегает открытых деклараций чувств, предпочитая косвенные, метафорические, поведенческие и соматические способы их выражения. Прямые номинации эмоций, когда и появляются в тексте, нередко оказываются вписаны в иронический или острабяющий контекст, переосмысляющий их исходное значение. Именно это свойство чеховского слова — его принципиальная многозначность и «непрозрачность» — делает эмотивную лексику его произведений особенно ценным объектом для лингвистического анализа.

Анализ конкретных рассказов выявил значительное разнообразие эмотивных стратегий в пределах единого авторского стиля. В «Смерти чиновника» эмотивная система организована вокруг страха, доведённого до абсурда и переосмысленного иронически: трагикомический модус достигается за счёт несоответствия между интенсивностью эмоциональных реакций персонажа и ничтожностью их повода. В «Тоске» господствует элегический модус: горе извозчика Ионы существует в тексте прежде всего через отсутствие адекватного языкового воплощения — через несостоявшийся диалог, молчание, косвенные образы. В «Хамелеоне» реализуется сатирический модус, при котором эмотивная лексика выполняет диагностическую функцию, обнажая социальную болезнь угодничества через стремительную смену эмоциональных реакций персонажа.

Юмористические рассказы — «Хирургия», «Пересолил», «Налим» — демонстрируют иные принципы организации эмотивного пространства. Здесь эмотивная лексика функционирует в комедийном регистре: нарастающая шкала боли и негодования в «Хирургии», прогрессия воображаемого страха в

«Пересолил», коллективная эмоция азарта в «Налиме» — во всех трёх случаях эмотивные единицы становятся главным инструментом комического эффекта. При этом Чехов последовательно использует приём столкновения языковых регистров: официальный или псевдопрофессиональный жаргон вступает в противоречие с просторечной эмотивной лексикой, и это противоречие обнажает социальные противоречия, скрытые за культурной маской.

Метод дифференциального отбора позволил разграничить лексику рассмотренных текстов по признаку наличия или отсутствия эмотивности. Компонентный анализ ключевых эмотивных единиц выявил их устойчивую семную структуру, включающую, как правило, семы эмоции, интенсивности и оценки одновременно. Описательный метод с применением классификации и обобщения позволил систематизировать наблюдения и представить их в виде сводных таблиц, наглядно фиксирующих специфику каждого рассказа.

Практическая значимость исследования нашла своё воплощение в разработанном конспекте урока для учащихся 7–8 классов, посвящённого изучению эмотивной лексики в рассказах Чехова. Конспект основан на текстоориентированном подходе и предполагает самостоятельную аналитическую работу учащихся с художественным текстом. Его применение в школьной практике позволит не только сформировать у школьников представления об эмотивной лексике как особом пласте словарного состава русского языка, но и развить навыки смыслового чтения, а также эмоциональный интеллект — способность осознавать и вербализовать чувства.

Таким образом, проведённое исследование позволяет утверждать, что эмотивная лексика в рассказах А.П. Чехова — это сложное, многоуровневое художественное явление, неразрывно связанное с поэтикой писателя в целом. Её изучение открывает новые перспективы как для понимания индивидуального стиля Чехова, так и для осмысления общих закономерностей функционирования эмотивных средств в художественном тексте. Перспективами дальнейшего исследования могут стать сопоставительный

анализ эмотивной лексики в произведениях Чехова разных периодов, а также её изучение в переводах на иностранные языки с целью выявления межкультурной специфики языкового воплощения эмоций.

Список использованной литературы

1. Алексина Е. А., Степин С. Н. Формы психологического анализа в рассказах А.П. Чехова // Вестник науки. 2022. №12 (57). С. 380-385.
2. Али Н. Х. А. Семантическая характеристика оценочной лексики, именующей персонажей, в художественных произведениях А. П. Чехова / Н. Х. А. Али // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 53-57.
3. Афолина Ю.И. «Ни о чём» — о диалогах Чехова и Тарантино // Профессорский журнал. Серия: русский язык и литература 2022, № 4 (12). С. 23-27.
4. Барсукова И.В. Систематизация лингвистических концептов эмоциональных состояний // Вестник САМГУ, 2018, № 4 (63). С.3-18.
5. Владимирова, А.В. Эмотивность как самостоятельная лингвистическая категория / А.В. Владимирова // NovaInfo: Филологические науки. – 2019. № 96. – С. 156–159.
6. Волкова А.Е. Эмоционально-окрашенная лексика: понятие, виды, классификация // Молодой ученый. – 2021. – №16 (358). – С. 125 – 127.
7. Гуц Е. Н. Ассоциативный потенциал лексем – обозначений эмоций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22, № 1. С. 53–64.
8. Жангуразова Л.К. Категория эмотивности в тексте как лингвистический феномен // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 03 (101). С. 442-454.
9. Ивницкий Е. И. Категория эмотивности в современной русской литературе // Филология и культура. 2023. № 4 (74) С. 31-38.
10. Ионова С.В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики № 1(51) 2022, С.26-39.
11. Ионова, С.В. Лингвистика эмоций - наука будущего / С.В. Ионова // Известия ВГПУ. – 2019. № 1. – С. 124–131.

12. Каранчук, Р. В. Эмотивность как языковая категория и вербальные средства ее выражения / Р. В. Каранчук // Теория и практика становления информационной культуры личности в мире и Беларуси : сборник научных статей / Белорусский государственный технологический университет. - Минск : БГТУ, 2025. – С. 83-88.
13. Ким А.В. Творчество А.П. Чехова в практике РКИ / А.В. Ким // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — №7 (145). С. 1-8.
14. Климченко, С.Г. Экспрессивность и эмотивность в структуре коннотативного значения языковой единицы / С.Г. Климченко // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы. – 2023. – С. 161-165.
15. Кожевникова Э.В. Понятие «эмотивность» и подходы к его рассмотрению в современной лингвистике // Вестник науки №1 (70) том 2. С. 626 - 632.
16. Котельникова А. Н. Место эмотивной лексики в индивидуально-художественной картине мира ап. Чехова (пьеса "Вишневый сад") / А. Н. Котельникова // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2019. № 1(81). С. 16-20.
17. Кунтыш М.Ф. Лексико-тематическая группа обозначений эмоционального состояния и его внешнего проявления в лексической структуре рассказов А.П. Чехова // Ученые записки. – 2021. – Том 34. – С. 160–170.
18. Логунова О.Н. К вопросу о самостоятельной работе студентов при изучении темы «части тела» (А.П. Чехов «Хирургия») / О.Н. Логунова, А.Н. Алферова // Смоленский медицинский альманах. — 2023. — №3. — С. 108-111.
19. Лысикова, И. В. Категория эмотивности в современном языкознании / И. В. Лысикова // Язык и межкультурная коммуникация : Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Астрахань, 16 ноября 2023 года. – Астрахань: Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, 2024. – С. 232-236.

20. Магомедова А.Н. Роль эмотивной лексики в создании картины мира художественного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №3. С. 171-175.
21. Максудова, Х. А. Функции эмотивной лексики / Х. А. Максудова. // Молодой ученый. — 2022. — № 1 (396). — С. 275-277.
22. Малинина Н. В. Эмоциональное состояние героев и средства их языкового выражения в поэтике повести А.П. Чехова «Три года» // Филология и человек. 2024. № 4. С. 24-38
23. Моисеева, А. В. Отражение эмотивности в тексте / А. В. Моисеева // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 71-4. – С. 49-51.
24. Мокина, Н.В. Мотив «веселья» и функции смеха в произведениях Островского и Чехова // А.П. Чехов и А.Н. Островский. По материалам Пятых международных Скафтымовских чтений. (Сборник научных работ. - М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2020. - С. 297-318.
25. Морозова Г.В. Агентивы в рассказе А.П. Чехова "Хамелеон" на занятиях по РКИ / Г.В. Морозова // Вестник научных конференций. — 2018. — № 9-1(39). — С. 95-96.
26. Муминов В. И., Толстякова Ю. И. Средства выражения эмоций в произведениях А. П. Чехова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. №3. С. 287-394.
27. Оспанова И. В. Средства репрезентации эмотивов страха в произведениях А.П. Чехова / И. В. Оспанова, Ю. С. Котова // Вестник СКУ им. М. Козыбаева. 2023. № 1(57). С. 57-63.
28. Отажонова М.М.К. Лексика, передающая эмоциональные состояния персонажей в ранних рассказах А. П. Чехова // Лучшие интеллектуальные исследования. 2025. 45(2). С. 204-209.
29. Передистая, И.Г. Коннотативно маркированная лексика в фильмах Дж. Пила «Get Out» и «Us»: функциональная и структурная характеристика / И.Г. Передистая, О.А. Алимуратов, М.А. Горбунова // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4 (100). – С. 151-163.

- 30.Петрова, Е.А. Понятие эмотивности в современной лингвистике / Е.А. Петрова // Перевод и межкультурная коммуникация: теория и практика. – 2020. – № 7. – С. 69–74.
- 31.Подкопаева О.И., Лапшина А. С. Способы репрезентации эмотивности и оценочности в языке спортивных СМИ // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2025. №11. 1-14.
- 32.Сюткина Н. П., Шустова С. В., Зубарева Е. О. Взаимодействие категорий эмотивности и интенсивности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. -2025. -№12. -С. 237-240.
- 33.Трубкина А. И. Коммуникативно-прагматический потенциал эмотивности в художественном тексте / А. И. Трубкина // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 312-314.
- 34.Фокина М. А. Метафорические характеристики персонажей в повести А. П. Чехова «Дуэль» / М. А. Фокина // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1(20). С. 59-65.
- 35.Чернейко Л.О. Острые вопросы вокруг остран(н)ения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022, No 2. С. 128-139.
- 36.Четверикова О. В. Эмотивные смыслы и средства их вербальной манифестации в рассказе А.П. Чехова «Шуточка» / О. В. Четверикова, В. Д. Калмыкова // Приоритетные направления развития науки в современном мире : Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Уфа, 02 февраля 2022 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научноиздательский центр «Вестник науки», 2022. С. 56-61.
- 37.Эльстон-Бирон А.В. Эмоции, сопряженные с чувством любви: анализ коллокаций (на материале произведений А.П. Чехова) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2025. №2 (62). С. 109-120.

Приложение

Предлагаемый конспект урока разработан для учащихся 7 класса общеобразовательной школы и рассчитан на один академический час (45 минут). Урок относится к типу комбинированного урока, сочетающего элементы урока изучения нового материала и урока практического применения знаний. Данная разработка ориентирована на формирование у учащихся представлений об эмотивной лексике как особом пласте словарного состава русского языка и о её роли в художественном тексте на примере рассказов А.П. Чехова.

Выбор темы обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, рассказы Чехова, включённые в школьную программу, — в частности, «Хамелеон», «Смерть чиновника», «Хирургия», — представляют собой богатейший материал для наблюдений над функционированием эмотивной лексики в художественном тексте. Во-вторых, работа с эмотивной лексикой развивает у школьников эмоциональный интеллект, способность осознавать и называть свои чувства и чувства других людей, что имеет очевидную воспитательную ценность. В-третьих, изучение эмотивной лексики органично вписывается в контекст уроков по развитию речи и работы с художественным текстом, предусмотренной ФГОС.

Методологической основой урока служит текстоориентированный подход в сочетании с элементами лингвостилистического анализа. Учащимся предлагается самостоятельно обнаруживать в тексте единицы эмотивной лексики, классифицировать их по типу выражаемой эмоции и способу выражения, а затем соотносить с художественными задачами произведения. Такой подход формирует не только предметные знания, но и метапредметные умения — умение анализировать, сравнивать, обобщать и делать выводы.

Конспект урока

Тема урока: Эмотивная лексика в рассказах А.П. Чехова

Класс: 7 класс

Тип урока: Комбинированный (изучение нового материала + практикум)

Цели урока:

образовательная — познакомить учащихся с понятием «эмотивная лексика», её видами и функциями в художественном тексте; развивающая — формировать умение анализировать художественный текст с точки зрения его эмотивного содержания; воспитательная — развивать эмоциональный интеллект и внимание к слову как средству выражения чувств.

Планируемые результаты:

Предметные: учащиеся знают понятие «эмотивная лексика», умеют выделять эмотивные единицы в тексте и определять их функцию.

Метапредметные: учащиеся владеют навыками текстового анализа, умеют работать в группе, формулировать и аргументировать выводы.

Личностные: учащиеся осознают значимость эмоционального содержания художественного текста, развивают способность к эмпатии.

Оборудование: раздаточный материал с фрагментами рассказов, таблица для заполнения, мультимедийная презентация.

Ход урока

I. Организационный момент (2 минуты)

Приветствие, проверка готовности к уроку. Учитель предлагает учащимся вспомнить, какие слова, обозначающие чувства и эмоции, они знают, и записать на листке 3–5 таких слов. После краткого обмена ответами учитель формулирует тему урока.

II. Актуализация знаний (5 минут)

Учитель задаёт вопросы: «Что такое лексика?», «Можно ли назвать какие-то слова "эмоциональными"», «Как автор художественного произведения передаёт чувства своих персонажей?». Ответы учащихся фиксируются на доске и служат отправной точкой для введения нового понятия.

III. Введение нового материала (10 минут)

Учитель объясняет понятие «эмотивная лексика»: это слова, которые выражают или называют эмоции и чувства. С опорой на презентацию вводятся основные разновидности эмотивной лексики: слова-номинации эмоций (страх, радость, тоска), оценочные слова с положительной или отрицательной коннотацией, восклицания и междометия, метафорические обозначения чувств. Кратко сообщается о роли эмотивной лексики в художественном тексте: она помогает создавать образ персонажа, передавать атмосферу произведения, выразить авторскую позицию.

Виды эмотивной лексики (опорная таблица для учащихся)

Вид	Примеры	Функция в тексте
Номинации эмоций	Страх, радость, тоска, тревога	Прямое название чувства
Оценочная лексика	Трус, смельчак, жалкий, великодушный	Характеристика персонажа
Восклицания и междометия	Ой! Батюшки! Ужас!	Эмоциональная реакция в речи
Метафорические обозначения	«Сердце сжалось», «тоска давила»	Образное выражение чувства
Соматическая лексика	Побледнел, задрожал, потупился	Внешнее проявление эмоции

IV. Работа с текстом (15 минут)

Учащиеся делятся на три группы. Каждая группа получает фрагмент из одного из рассказов Чехова: группа 1 — фрагмент из «Смерти чиновника», группа 2 — фрагмент из «Хирургии», группа 3 — фрагмент из «Тоски». Задание: найти в тексте слова и выражения, относящиеся к эмотивной лексике, определить их вид по таблице и объяснить, какую роль они играют в данном фрагменте. Результаты работы группы фиксируются в рабочий лист.

Рабочий лист для анализа:

Найденное слово/выражение	Вид эмотивной лексики	Какую эмоцию выражает	Роль в тексте

V. Обсуждение результатов (8 минут)

Представители каждой группы зачитывают результаты работы. Учитель организует обсуждение: чем отличается использование эмотивной лексики в разных рассказах? Почему в «Тоске» мало прямых слов-эмоций, а в

«Хирургии» — много восклицаний? Учащиеся приходят к выводу о том, что выбор эмотивных средств зависит от художественной задачи произведения.

VI. Закрепление (3 минуты)

Фронтальный опрос: учитель задаёт контрольные вопросы по теме урока. Учащиеся дают устные ответы.

VII. Подведение итогов и домашнее задание (2 минуты)

Учитель подводит итоги урока, оценивает работу групп. Домашнее задание: выписать из одного из рассказов Чехова (по выбору учащегося) 10 примеров эмотивной лексики, определить их вид и объяснить функцию в тексте.